061989

2 6 7

ТУ-19-241-82

8

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—313

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

по сказке С. Маршака

художник Р. Столяров

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году? Двенадцать. Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. Только кончается один месяц, сразу же начинается другой. Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются. Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу...

А было так: в одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, 4

а падчерице с утра до ночи и присесть некогда было. Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шёл январь. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгребать лопатами, а в лесу деревья стояли в больших сугробах.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха сказала падчерице: «Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница».

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес! Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники!

А сестрица говорит ей: «Если и пропадёшь, так плакать о тебе никто не станет! Ступай, да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка».

Заплакала девочка и вышла из дому. Ветер снегом ей глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугробов вытаскивает.

Вот и лес. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Всё равно, думает, где замерзать. И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонёк—будто звезда среди ветвей запуталась.

Пошла девочка на этот огонёк. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы,— думает,— огонёк не погас!» А он не гаснет, а всё ярче горит.

Вышла девочка на поляну. Да так и замерла. Светло на поляне, словно от солнца. Посреди большой костёр горит. А вокруг костра сидят люди.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое—совсем ещё мальчики.

Вдруг обернулся один старик—самый высокий, бородатый, бровастый—и поглядел в ту сторону, где стояла девочка: «Ты откуда пришла, чего здесь нужно?»

«Прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела с пустой корзинкой домой возвращаться». Засмеялся старик: «Это в январе-то подснежники!

Что же ты будешь делать, если не найдёшь подснежников! Ведь раньше марта они и не выглянут».—«Уж лучше мне в лесу замёрзнуть, чем домой без подснежников вернуться».

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, весёлый, в шубке на одном плече, подошёл к старику. «Братец Январь, уступи мне на час своё место».—«Я бы уступил, да не бывать марту прежде февраля».

«Ладно уж,—проворчал другой старик, весь лохматый, с растрёпанной бородой.—Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо её знаем: то у проруби её встретишь с вёдрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей помочь».

«Ну, будь по-вашему»,—сказал Январь. Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

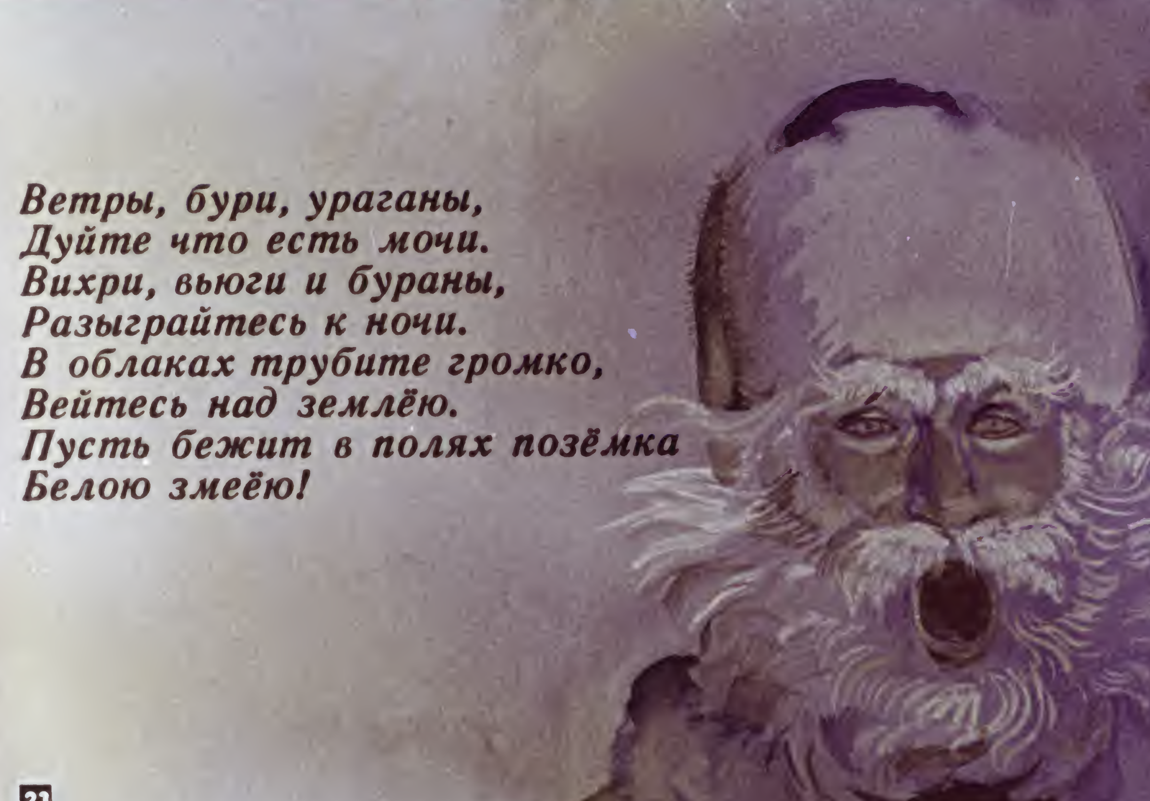

Замолчал старик, и тихо стало. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими мягкими хлопьями.

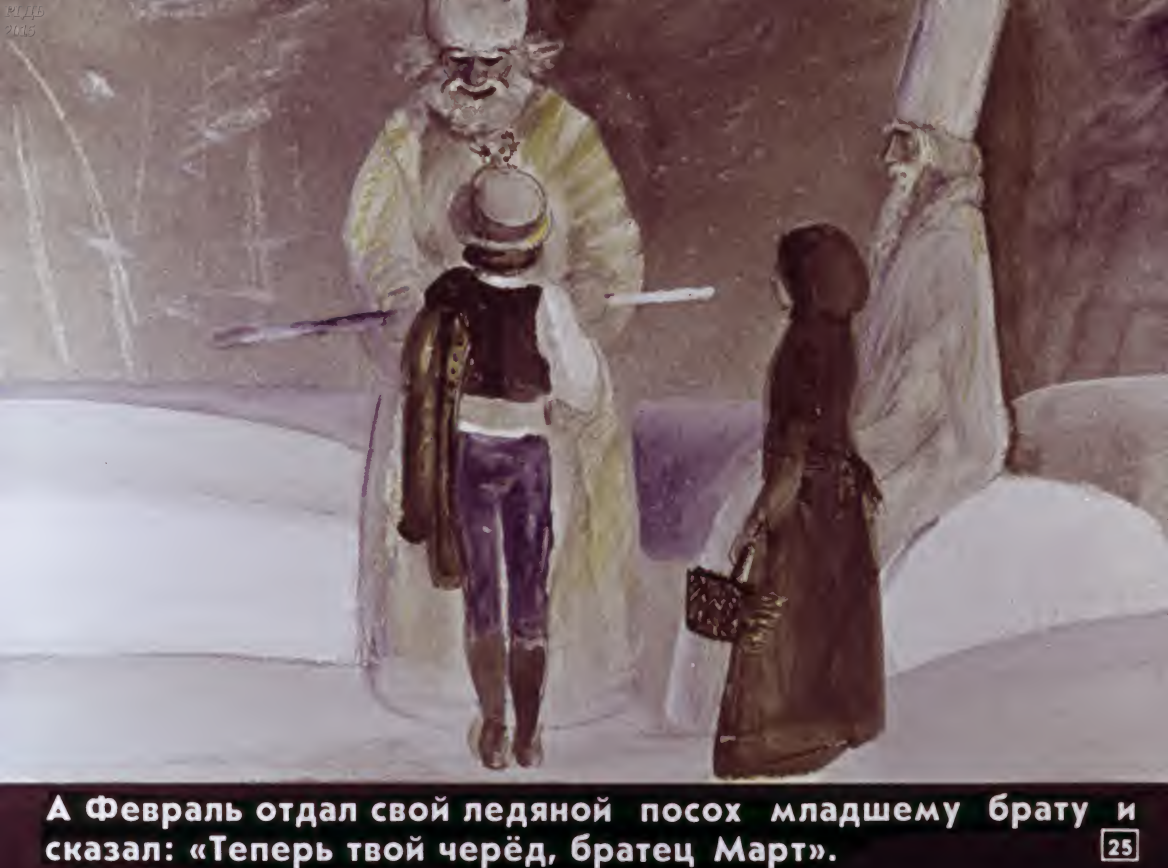
«Ну, теперь твой черёд, братец», — сказал Январь и отдал посох брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный мокрый ветер, закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал: «Теперь твой черёд, братец Март».

Взял младший брат посох, ударил о землю и запел:

*Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!
Пробирается медведь
Сквозь густой валежник,
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник!*

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, покрытая почками.

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы! Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветках набухли, и уже выглядывают из них зелёные листочки.

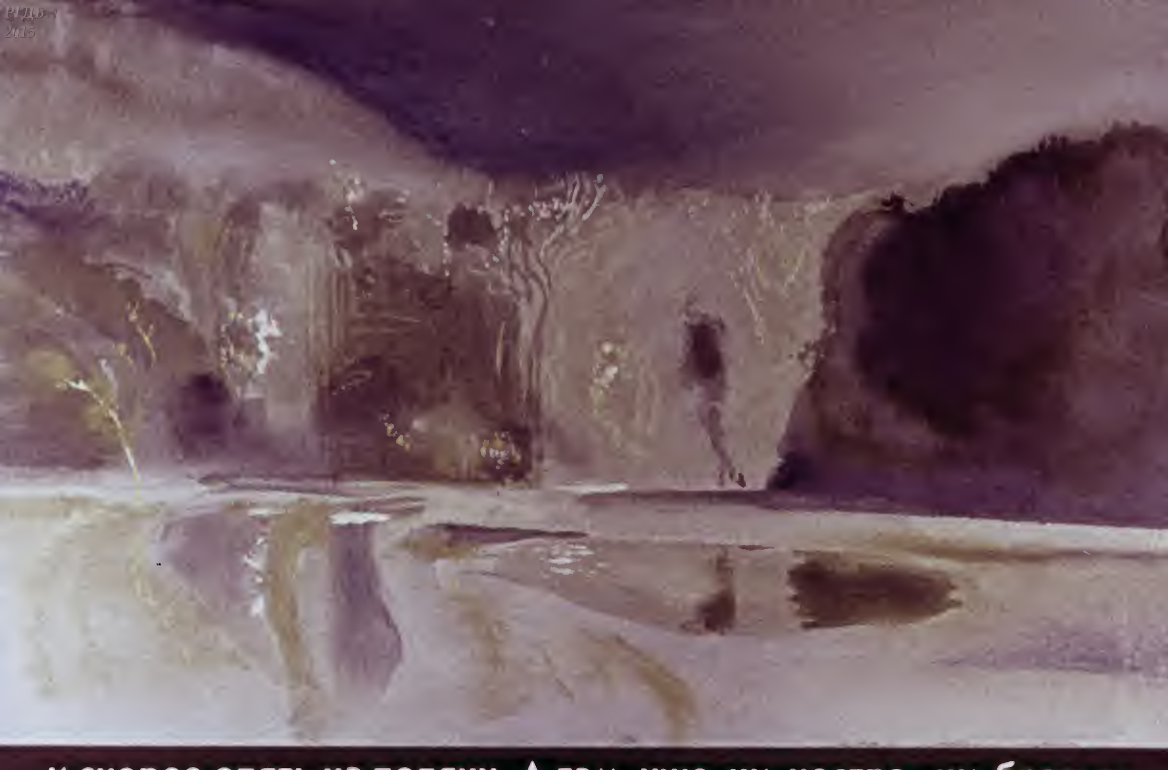
Глядит девочка — наглядеться не может. «Что же ты стоишь? — говорит ей Март. — Торопись, нам с тобой всего один час братья подарили».

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники собирать. А их видимо-невидимо.

Набрала она полную корзинку

и скорее опять на поляну. А там уже ни костра, ни братьев нет... Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня светит, а от полного месяца, что взошёл над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой. Только добежала она до дому, как опять загудела зимняя вьюга.

«Ну что,—спросили её мачеха и сестра,—подснежники где!» Ничего не ответила девочка, только поставила на лавку корзинку с подснежниками. Мачеха и сестра так и ахнули.

Рассказала им девочка всё как было. Слушают они обе и удивляются. Трудно поверить—да ведь вот они, подснежники. «А больше тебе ничего месяцы не дали!»—«Да я больше ничего и не просила».

«Вот дура так дура!—говорит сестра.—В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретилась, а ничего кроме подснежников не выпросила!

Да будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблок да груш, у другого — земляники, у третьего — грибов, у четвёртого — свежих огурчиков».

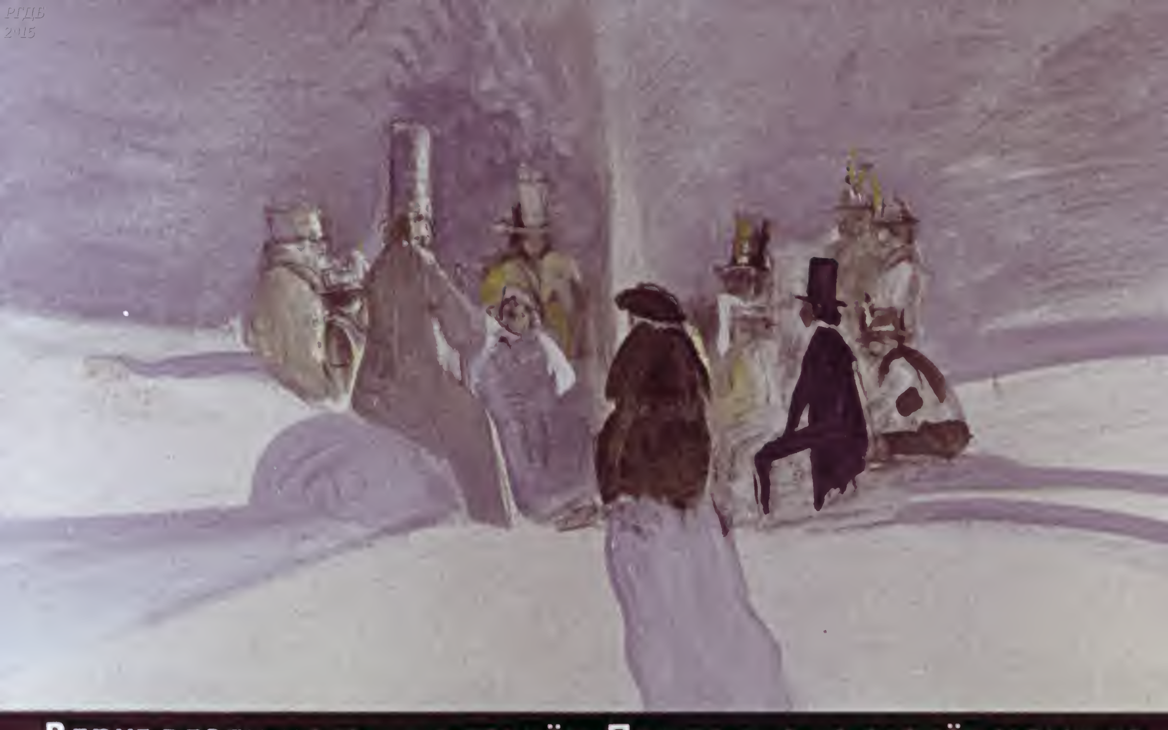
«Умница, доченька! — говорит мачеха. — Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы это и столько бы денег выручили! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на поляну, уж тебя они не проведут».

«Где им!» — отвечает дочка, а сама — руки в рукава, платок на голову. Мать ей вслед кричит: «Рукавички надень, шубку застегни!» А дочка уж за дверью. Убежала в лес.

Идёт по сестриным следам, торопится. «Скорей бы,— думает,— до поляны добраться!» Лес всё гуще, всё темней. Сугробы всё выше...

Вдруг вдали мелькнул огонёк. Пошла она на огонёк и вышла на поляну. Посреди поляны большой костёр горит, а вокруг костра—двенадцать братьев, двенадцать месяцев сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к костру. Замолчали месяцы. Тихо стало в лесу.

Стукнул Январь-месяц посохом о землю и спрашивает: «Ты кто такая? Откуда взялась?» — «Из дому, — отвечает мачехина дочка. — Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по её следам».

«Сестру твою мы знаем,—говорит Январь-месяц.—А тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала!»—«За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники даст, а Июль-месяц—огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август—яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц—орехов спелых».

«Погоди,—говорит Январь-месяц.—Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко ещё до июня. Я теперь в лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду».

«Ишь какой сердитый!—говорит мачехина дочка.—Да я не к тебе пришла—от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождёшься. Мне летних месяцев надо».

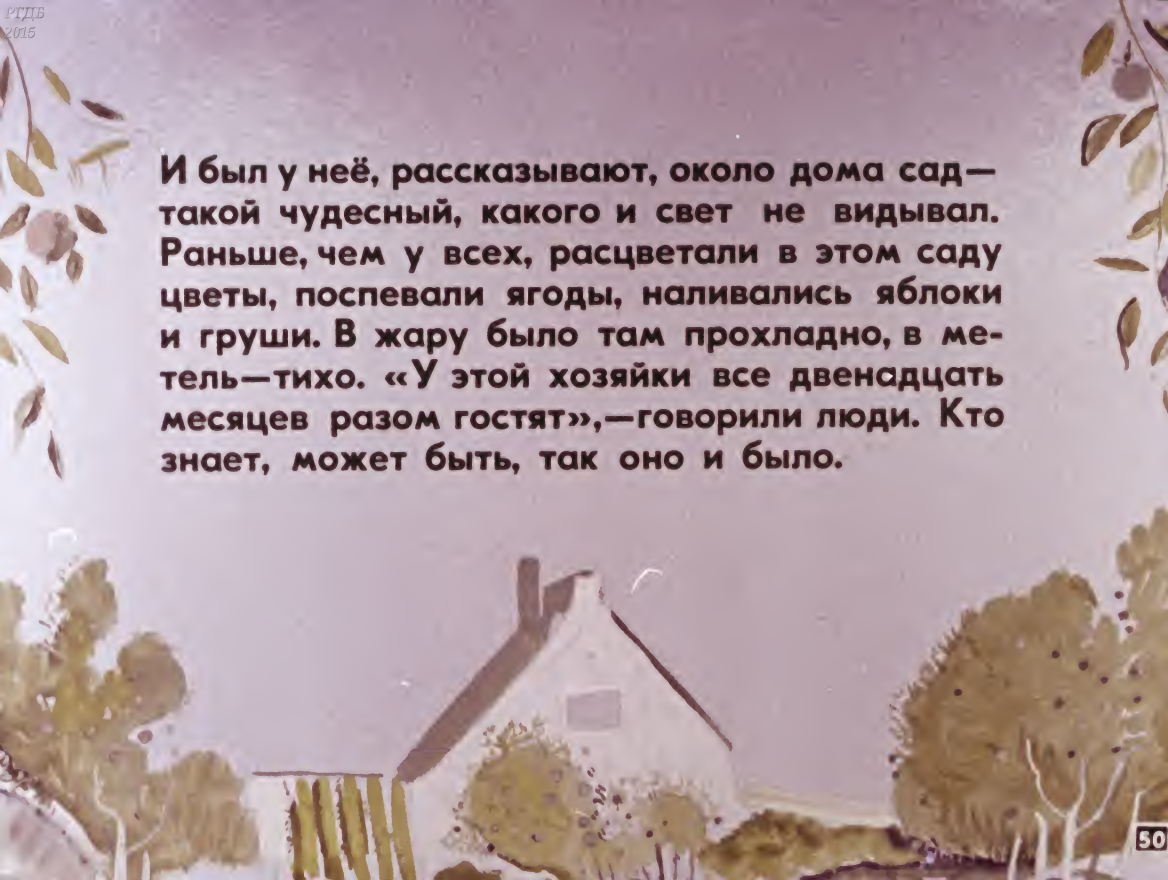
Нахмурился Январь-месяц. «Ищи лета зимой!» — говорит. Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель.

А мачеха ждала-ждала свою дочку — нет её. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замёрзла. Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у неё, рассказывают, около дома сад — такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель — тихо. «У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят», — говорили люди. Кто знает, может быть, так оно и было.

КОНЕЦ

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор В. ЯНСЮКЕВИЧ

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Д-014-88 Цветной 0-30